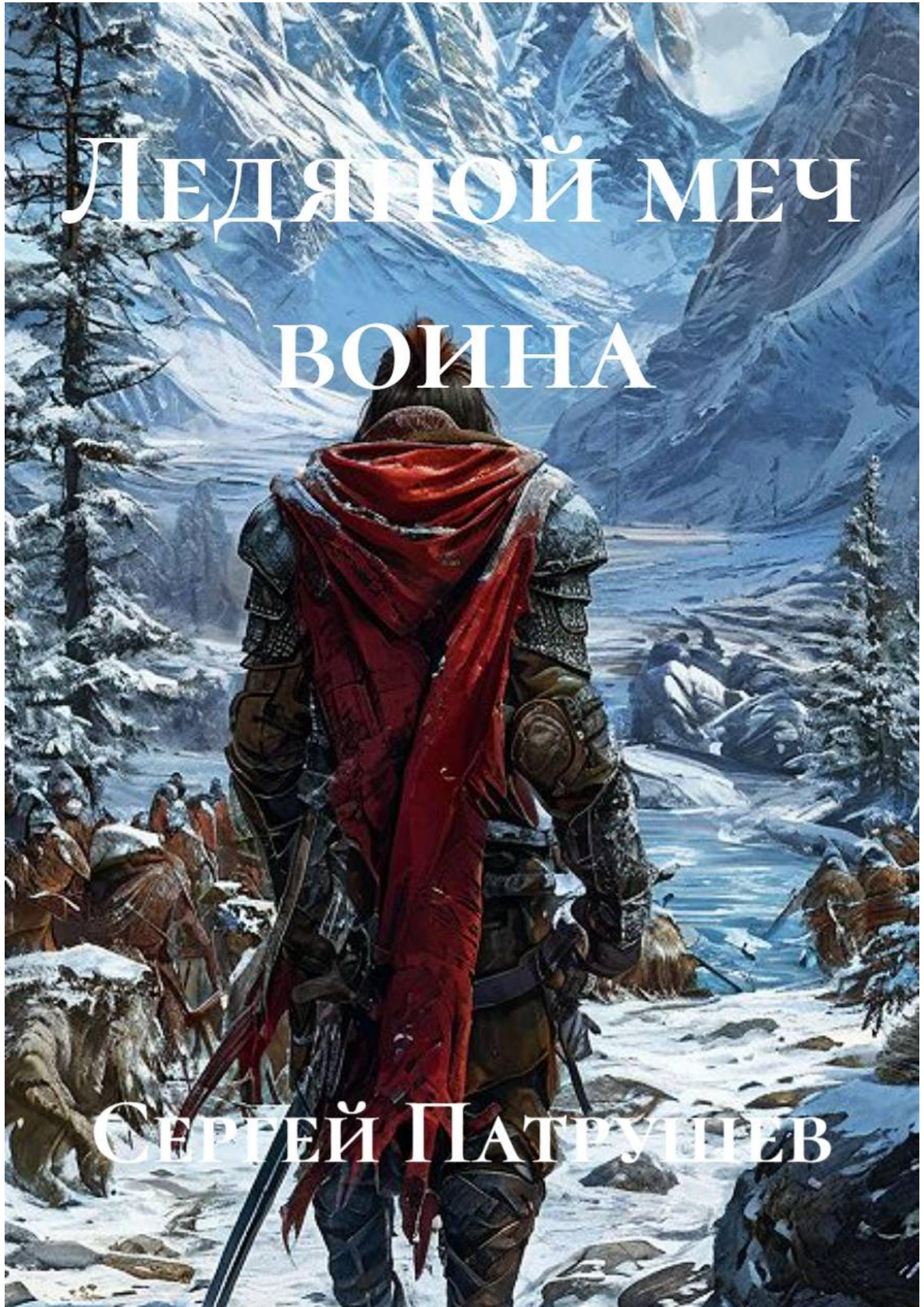

A detailed fantasy illustration of a warrior in a snowy mountain landscape. The warrior, seen from behind, wears dark, intricately detailed plate armor and a vibrant red cape that flows down his back. He holds a sword in his right hand. In the background, a vast, majestic mountain range with snow-covered peaks and glaciers rises under a pale sky. A river or stream flows through the valley, surrounded by snow-laden evergreen trees. In the lower-left corner, a group of soldiers on horseback is visible, suggesting a military campaign or battle. The overall atmosphere is one of epic adventure and cold, harsh beauty.

ЛЕДЯНОЙ МЕЧ ВОИНА

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

Сергей Патрушев
Ледяной меч воина

«Автор»

2026

Патрушев С.

Ледяной меч воина / С. Патрушев — «Автор», 2026

Мир, скованный льдом, держится на хрупких Пепельных Договорах — союзе людей, эльфов и гномов, который вот-вот рухнет. Кайран, воин-изгой, владеет проклятым клинком, выкованным из вечного льда. Его правило просто: меч — это договор, а не инструмент, но когда заказ на убийство северного барона приводит его к амулету с королевским гербом, он оказывается втянут в паутину заговора, способного уничтожить всё живое. Теперь Кайран должен пройти через земли, кишасшие чудовищами, вступить в союз с высокомерными эльфами, заслужить доверие гномов и разгадать тайну собственного меча, который оказывается одним из четырёх Столпов Стихий. Главная битва ждёт его не на полях сражений, а в собственном сердце, где старые раны и новые привязанности сходятся в смертельном поединке, ведь настоящая цена равновесия не золото и не власть, а судьба, которую он сам должен выбрать.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Плата за молчание	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Патрушев

Ледяной меч воина

Глава 1. Плата за молчание

Северный ветер не просто дул, он был живым существом, порожденным самой бездной ледяного небытия, и его дыхание, несущее с собой колючую взвесь мельчайших ледяных кристаллов и запах остывающей крови далеких, скрытых во тьме снежных пустошей, не обволакивало, а вгрызалось, словно стая оголодавших псов, в каждую прореху одежды, в каждую щель между камнями мостовой, в каждую трещину в костях, напоминая всем живым существам, осмелившимся существовать на этой богом забытой окраине мира, что Торнхейм принадлежит не людям и не их жалким амбициям, а льду, вечной мерзлоте и той неумолимой, безмолвной пустоте, что терпеливо ждет своего часа под тонким, предательски хрупким слоем обледенелого булыжника, которым были вымощены его кривые, продуваемые всеми сквозняками улицы. Кайран ступил на причал, и старые, рассохшиеся доски, источенные солью, морозом и временем, отозвались под его тяжестью протяжным, жалобным стоном, который, казалось, был не просто звуком, а последним вздохом самого дерева, уставшего бороться с непрекращающимся натиском стихии, и этот скрип прозвучал в морозном воздухе как недоброе предзнаменование, как предостережение тому, кто осмелился ступить на эту пропитанную отчаянием землю.

Он не стал оглядываться на корабль, который доставил его сюда из более южных, но не более милосердных широт, потому что прошлое, даже самое близкое, не имело для него значения, а настоящее диктовало свои суровые условия, в которых сантименты были бы непозволительной роскошью, способной стоить жизни. Капитан, седой и молчаливый, как сам Ледяной Предел, за время долгого и мучительного перехода через бурное, вечно штормящее море, не проронил ни единого лишнего слова, и это молчание, суровое и нерушимое, как клятва, данная перед ликом смерти, было для Кайрана лучшей и самой надежной платой за проезд, гораздо более ценной, чем золото, которое перешло из рук в руки в темноте пропахшего смолой и соленой рыбой корабельного трюма, потому что деньги, как известно, не оставляют следов, если их правильно передать, в то время как неосторожно брошенное слово, даже самое безобидное, может разрастись в целую цепь роковых последствий, способных преследовать человека до самой его могилы. Первое правило Кайрана, усвоенное им задолго до того, как он впервые сжал в ладони обжигающую холодом рукоять своего проклятого клинка, было выковано из железа, крови и многолетнего опыта выживания на задворках этого жестокого мира, и гласило оно просто и неумолимо: «Язык — это первый и самый коварный враг, который живет во рту и ждет лишь малейшей слабости, чтобы нанести смертельный удар». Поэтому он говорил редко, взвешивая каждое слово так, как ростовщик взвешивает сомнительную монету, слушал много, впитывая в себя каждый шорох, каждый вздох, каждый обрывок чужой речи, и запоминал всё, каждую мелочь, каждую случайно оброненную фразу, каждое имя, каждую смену интонации, потому что в его ремесле знание было не просто силой, а единственной валютой, способной обеспечить тебе еще один день существования.

Торнхейм предстал перед ним городом, который окончательно и бесповоротно забыл о том, что где-то в этом мире существует солнце, его тепло и его животворящий свет, который здесь, на этой окоченевшей окраине цивилизации, был лишь смутным воспоминанием, мифом,

передаваемым из поколения в поколение стариками, доживающими свой век у чадающих очагов. Дома, сбитые наспех из почерневшего от времени, сырости и копоты дерева и грубого, неотесанного камня, добытого в каменоломнях, где не смолкал стук кирок и стоны каторжников, жались друг к другу с какой-то животной, отчаянной покорностью, словно стадо перепуганных, замерзающих овец, инстинктивно сбивающихся в кучу в тщетной попытке укрыться от пронизывающей стужи и от того ледяного, воющего ветра, который непрестанно завывал в узких, извилистых переулках, закручиваясь в маленькие, злые смерчи из снежной пыли. Крыши домов были покрыты толстым, ноздреватым слоем слежавшегося снега, который никто не пытался убрать, и с этих крыш, словно прозрачные, хищные клыки какого-то исполинского, погруженного в вечную спячку чудовища, свисали огромные, многогранные сосульки, угрожающие сорваться вниз при малейшем сотрясении воздуха. Люди, населявшие этот город, казались такими же блеклыми и суровыми, как и окружающий их пейзаж; они рождались в ледяных хижинах, жили в постоянной борьбе с холодом и голодом, и умирали, зачастую не дожив и до сорока зим, так и не увидев зелени травы, не услышав пения птиц и не почувствовав на своей коже ласкового прикосновения теплого летнего ветра, и их мир, ограниченный скалистыми берегами, серым небом и бесконечными снежными равнинами, был выкован из инея, сумерек и того особого, молчаливого фатализма, который свойственен людям, живущим на краю гибели.

Кайран шел по улицам, утопая в снегу, и его тяжелый, намокший от впитавшейся влаги и облепленный ледяной коркой плащ глухо хлопал на ветру, словно крылья большой раненой птицы, а прохожие, редкие в этот поздний час, поспешно уступали ему дорогу, бросая на него быстрые, оценивающие, полные скрытого страха и любопытства взгляды и тут же отводя глаза в сторону, потому что каждый из них, наученный горьким опытом жизни в этом суровом краю, знал, что пристальное внимание к незнакомцу может быть расценено как вызов или угроза. В незнакомце же этом, в том, как он двигался, в том, как он смотрел, чувствовалась не показная, а глубинная, животная опасность, которая исходила не от его грозного вида, не от его оружия, которое было скрыто под плащом, а от чего-то гораздо более тонкого и вместе с тем более пугающего, от той самой ледяной, бездонной пустоты, что зияла в его серых, как зимнее небо перед бурей, глазах, в которых не отражалось ни страха, ни надежды, ни каких-либо других человеческих чувств. Он был чужим, и это было видно с первого же взгляда, как видна на снегу капля крови, он был изгоем, человеком, добровольно или вынужденно порвавшим все связи с обществом, и на его челе, на его осанке, на его молчании лежала неизгладимая печать дороги, потерь и той самой смерти, которая, казалось, следовала за ним по пятам, как верный, но невидимый спутник.

Его цель находилась в самом сердце Торнхейма, в лабиринте узких улочек и зловонных тупиков, в трактире под названием «Сломанный Гарпун», который пользовался дурной славой места, где за кружку дешевого, разбавленного эля можно было купить не только забвение, но и чужую жизнь. Вывеска, изображавшая изогнутый, покореженный гарпун, пронзающий сломанное весло, раскачивалась на проржавевших, истошно скрипящих петлях, и этот ее непрерывный, раздражающий скрежет, казалось, вторил завываниям ветра, создавая единую, какофоническую симфонию уныния и запустения. Толкнув тяжелую, обитую железными полосами дверь, которая поддавалась с неохотным, продолжительным стоном, Кайран вошел внутрь, и его обдало волной спертого, горячего воздуха, который после ледяного, кристально чистого холода улицы показался ему почти обжигающим и тошнотворно-сладким. Этот воздух был густым, почти осязаемым, он был пропитан запахами перегара, немытых человеческих тел, дешевого табака, прогорклого жира, кислого эля и еще чего-то неуловимого, какого-то глубинного запаха тления, который, казалось, вьелся в сами стены этого заведения за долгие годы его существо-

вания. Разговоры в зале, до этого сливавшиеся в ровный, нечленораздельный гул, на мгновение, словно по команде, стихли, и несколько десятков пар глаз, горящих в полумраке, как угли, обратились к вошедшему, внимательно изучая его с ног до головы, но, не найдя в его суровом облике ничего, что могло бы обещать им даровую выпивку, веселую драку или легкую наживу, посетители, потеряв к нему всякий интерес, вернулись к своим кружкам, к своим разговорам и к своим мрачным мыслям.

Заказ, ради которого он проделал этот долгий и опасный путь, был простым и незамысловатым, насколько вообще может быть простым убийство человека, занимающего высокое положение в обществе и окруженного охраной; суть его сводилась к одной короткой фразе, сказанной ему посредником в грязной портовой таверне в сотнях миль отсюда: «Убери его». Встреча должна была произойти в задней комнате трактира, где не было лишних глаз, где стены были достаточно толстыми, чтобы заглушить любой крик, и где можно было обсудить детали, не опасаясь быть подслушанным. Половина платы была уплачена вперед, как это и было оговорено, и увесистый мешочек с золотом теперь оттягивал внутренний карман его плаща, а вторая половина должна была перейти к нему только после того, как дело будет сделано, и это было незыблемое правило, которому следовали все, кто занимался этим ремеслом, правило, обеспечивающее обеим сторонам хоть какую-то гарантию исполнения обязательств. Кайран не любил сложных заказов, тех, что включали в себя многоходовые комбинации, политические интриги или убийства в толпе, потому что сложность неизбежно порождает неопределенность, а неопределенность — это не что иное, как лишние свидетели, лишние улики и лишняя кровь, которую придется пролить, чтобы замести следы. Он прошел через зал, лавируя между грубо сколоченными столами, не замечая косых, враждебных взглядов, которые провожали его от двери до самого темного угла, и остановился у неприметной, низкой двери, за которой, как ему было сказано, его ждали. Он дважды ударил костяшками пальцев по сухому, потрескавшемуся дереву, затем, выждав короткую паузу, добавил еще один, третий удар, который прозвучал в наступившей тишине, как удар молотка по крышке гроба.

Дверь приоткрылась, явив ему узкую полоску тусклого, дрожащего света, который вырывался из комнаты, и чей-то настороженный, подозрительный глаз, сверкнувший в этой щели, внимательно осмотрел его с головы до ног, прежде чем дверь открылась шире, впуская его внутрь.

— Пароль? — проскрипел голос, сухой и надтреснутый, как звук рвущейся старой кожи.

— Север помнит, — ответил Кайран, и в его устах эта фраза прозвучала не как тайный знак, а скорее как некая проверка, как тест на способность не выдать себя, не привлечь к себе лишнего внимания, и он понимал, что любой другой ответ, даже самый убедительный, был бы неверным и привел бы к самым непредсказуемым последствиям.

Дверь отворилась шире, и он вошел в небольшую, почти пустую комнату, освещенную единственной сальной свечой, стоящей на грубо сколоченном деревянном столе, пламя которой непрерывно колыхалось от малейшего движения воздуха, отбрасывая на стены длинные, уродливые, танцующие тени, которые казались живыми существами, наблюдающими за происходящим. За столом, в скрипучем деревянном кресле, сидел гном, и было очевидно, что он очень стар, что он прожил долгую и трудную жизнь, полную сражений, потерь и тяжелой работы. Его некогда огненно-рыжая борода, предмет гордости каждого гнома, теперь была пепельно-серой, заплетенной в тугие, сложные косы, украшенные выцветшими лентами и потемневшими от времени серебряными кольцами, а лицо его, покрытое глубокими морщи-

нами, изрезанное шрамами, старыми и новыми, напоминало старую, потрескавшуюся от времени и непогоды кожу, которая была обтянута на костях. Он не встал, чтобы поприветствовать гостя, а лишь указал мозолистой, узловатой рукой на грубо сколоченный табурет, стоящий напротив него, приглашая Кайрана сесть, и этот жест был исполнен не высокомерия, а той особой, суровой сдержанности, которая была свойственна его народу.

— Ты — тот, о ком говорил Хольгер, — произнес гном, и его голос был похож на далекий, глухой рокот камнепада, на звук, с которым огромные валуны трутся друг о друга в недрах земли. — Выпьешь чего-нибудь? С мороза оно полезно.

Кайран молча сел на предложенный табурет, который жалобно скрипнул под его весом, и покачал головой, отказываясь от предложенного эля, который гном уже начал разливать в две помятые оловянные кружки. Внимание, абсолютное, ничем не замутненное, сосредоточенное на каждой детали, на каждом жесте, на каждом слове своего собеседника, — вот что было его истинным напитком, который он поглощал жадно, впитывая в себя всю информацию, которую можно было получить.

— Хольгер сказал, что ты не задаешь лишних вопросов, — продолжил гном после короткой паузы, пристально разглядывая Кайрана из-под кустистых, нависших бровей, и его глаза, маленькие и глубоко посаженные, сверкнули в полумраке, как два тлеющих уголька. — Это хорошо. У меня нет времени на пустые разговоры и на то, чтобы кому-то что-то доказывать. Только на дело.

С этими словами он извлек из-под стола, из темноты, небольшой кожаный мешочек, туго набитый, и толкнул его по столешнице в сторону Кайрана, и звук, с которым этот мешочек проехал по дереву, этот характерный, тяжелый звон монет, прозвучал в тишине комнаты не как обещание богатства, а как окончательный, не подлежащий обжалованию смертный приговор, вынесенный человеку, имени которого Кайран еще даже не знал.

— Барон Ольсен, — выдохнул гном, и в этом имени, произнесенном с каким-то особым, сдавленным бешенством, было столько яда, столько накопленной годами ненависти, что, казалось, оно отравило сам воздух в комнате, сделав его непригодным для дыхания. — Он владеет обширными лесами к востоку от Торнхейма, у самого подножия гор. Его люди, его псы, они ловят моих сородичей, когда те спускаются с гор на ярмарку, чтобы продать свои изделия и купить то, что не растет в наших каменных залах. Ловят, как диких зверей, и... — гном замолчал, не в силах продолжать, и его кулаки, лежащие на столе, сжались с такой силой, что побелели костяшки пальцев, а желваки заходили под обветренной кожей. — Моего Эйнара, моего старшего, моего наследника, они взяли последним, — с трудом, выдавливая из себя каждое слово, продолжил он. — То, что от него осталось, они вернули мне в грязном мешке, как возвращают падаль. Они даже бороду ему отрезали, эти шакалы, эти выродки, они лишили его чести даже после смерти.

Голос гнома дрогнул, сорвавшись на мгновение, но он быстро взял себя в руки, подавив в себе эту слабость усилием воли, которая была выкована в нем за долгие годы жизни, полной лишений, и ярость, бушевавшая в его глазах, сменилась ледяной, смертельной решимостью, которая не сулила никому ничего хорошего.

— Барон замучил не просто мальчика, — заговорил он снова, и его голос теперь звучал ровно и твердо, как удары молота по наковальне. — Он осквернил Договор. Он плюнул на

всё, на чем держится этот хрупкий, проклятый мир. Старшая Кровь, люди и мой народ... мы держимся на тонкой, как паутина, нити, на Пепельных Договорах, подписанных кровью наших предков на пепелище последней великой войны. Ольсен своим поступком нарушил это равновесие, он показал всем, что договоры — это просто слова, которые ничего не значат, если у тебя есть деньги и власть. Он думает, что его титул, его золото и его связи при дворе защитят его от нашего возмездия, но он глубоко заблуждается. Я заплатил хорошую цену, воин, чтобы ты доказал ему, что это не так, что за каждое злодеяние неизбежно следует расплата.

Кайран выслушал эту исполненную боли и ненависти речь с каменным, бесстрастным лицом, не перебивая, не сочувствуя, не задавая лишних вопросов, а лишь кивая в такт словам, подтверждая, что он понимает суть задачи. Он знал о Пепельных Договорах, этом хрупком перемирии, заключенном много веков назад на руинах мира, опустошенного войной всех против всех, знал, как тонка грань, отделяющая нынешнее, относительно мирное существование от хаоса новой, еще более кровопролитной бойни, и знал также, что месть, как самая древняя и неумолимая сила в этом мире, всегда найдет своего исполнителя, если цена, предложенная за нее, окажется достаточно высокой, чтобы перевесить страх и благоразумие. Он взял мешочек, который гном подтолкнул к нему, взвесил его в руке, оценивая вес и звон монет, и понял, что плата, предложенная старейшиной, была более чем щедрой, что говорило о степени его отчаяния и о силе его ненависти. Этого было достаточно. Половина.

— Где он? — спросил Кайран, и это был первый и единственный вопрос, который он задал за всю встречу.

— Его поместье находится к северу от города, в часе быстрой езды верхом, — ответил гном, и в его голосе послышались нотки облегчения, словно он боялся, что наемник откажется. — Двухэтажный дом, обнесенный высоким частоколом из заостренных бревен. Стражи у него немного, человек десять, не больше, и все они больше привыкли гонять безоружных крестьян да ловить моих сородичей, чем воевать с настоящим бойцом. Он не ждет удара, его совесть спит спокойно, он уверен в своей безнаказанности. — Гном зло усмехнулся, обнажив желтые, крепкие зубы. — Сделай это быстро. Я не прошу для него долгих мучений, хотя, видит Камень, он их заслужил. Просто чтобы он перестал дышать, чтобы его не стало. А лучше — чтобы он исчез без следа, как будто его и не было никогда, как будто сама земля поглотила его.

Кайран поднялся с табурета, давая понять, что разговор окончен, что все детали обсуждены и что дальнейшее пребывание в этой комнате не имеет смысла. У него было и другое правило, выкованное не менее твердо, чем первое: не заводить друзей среди заказчиков и не позволять им заводить дружбу с ним, потому что личные отношения мешают делу, а привязанность, даже самая слабая, может стать тем рычагом, с помощью которого тебя можно будет контролировать или предать. Он уже взялся за холодную ручку двери, собираясь выйти в зал, когда гном окликнул его, и в его голосе прозвучало нечто новое, какая-то глухая, почти мистическая тревога.

— Воин, — сказал он тихо, и Кайран замер на месте, не оборачиваясь, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок, не имеющий ничего общего с морозом за окном. — Мой народ знает толк в оружии, мы рождаемся с молотом в руке, и мы знаем все руды и все металлы, что таятся в недрах земли. Но такие клинки, как у тебя, выкованы не из земного металла. Мы называем их «Шепотом Бездны». Они выкованы из вечного льда Старшей Крови, из того льда, что старше самих гор, и они несут на себе проклятие, древнее и неумолимое. Ты знаешь, что твой меч голоден?

Кайран замер, и это была его единственная реакция на эти слова. Он не привык, чтобы кто-то, тем более кто-то из смертных, говорил о его оружии с таким знанием дела, с таким пониманием его истинной, темной природы.

— Меч — это договор, а не инструмент, — ответил он, не оборачиваясь, и его голос прозвучал в тишине комнаты холодно и отстраненно. — У нас с ним контракт. Я кормлю его, а он служит мне. И, в отличие от большинства наемников, он не задает лишних вопросов.

Гном негромко хмыкнул, и в этом хмыканье слышалась вековая мудрость и невысказанная жалость.

— Смотри только, чтобы этот договор не был расторгнут в одностороннем порядке, — сказал он. — Ибо те, кто заключает сделки с Бездной, редко умирают своей смертью.

Кайран вышел из трактира, не проронив больше ни слова, и холодный ночной воздух снова обрушился на него, словно удар хлыста, вытесняя из легких спертый, пропитанный порочами воздух «Сломанного Гарпуна». Ночь окончательно вступила в свои права, опустившись на Торнхейм, словно черное, непроницаемое покрывало, сотканное из тьмы и ледяного тумана, который поднимался от замерзшего моря и медленно растекался по улицам, обволакивая дома и прохожих. Луна, равнодушная ко всему, что творилось внизу, ко всем этим мелким дрязгам, страстям и трагедиям, разыгрывающимся на сцене замерзшего города, изредка выглядывала из-за тяжелых, рваных туч, гонимых ветром, и освещала заснеженные улицы своим мертвенным, серебристым светом, который не дарил тепла, а лишь подчеркивал безжизненность и пустоту окружающего пейзажа. Кайран двигался по городу бесшумной, скользящей тенью, сливаясь с темнотой, изучая его лабиринты, запоминая каждый поворот, каждый тупик, каждый проходной двор, потому что он уже давно усвоил, что знание местности — это половина успеха в его деле. Он уже знал дорогу к поместью барона, изучив город с вершины скалистого холма, на который он поднялся еще до встречи с гномом, чтобы осмотреть окрестности с высоты птичьего полета, и Торнхейм, раскинувшийся у его подножия, показался ему не таким уж и большим, всего лишь несколько сотен домов, прилепившихся к скалам.

Он свернул в узкий, темный проулок, ведущий к северным воротам, и здесь, в этой каменной кишке, где ветер завывал особенно злобно, а вонь рыбы, казалось, въелась в сами камни, он почувствовал это раньше, чем услышал. Запах страха, пота и дешевого, вонючего табака, который мог принадлежать только тем, кто поджидает свою жертву в засаде. Три человека, трое подонков, вышли из темноты, словно порождения самой ночи, словно крысы, выползшие из канализации в поисках поживы. Один из них, здоровенный детина с обветренным, покрытым шрамами лицом, сжимал в руке ржавый, но все еще грозный тесак, второй, пониже ростом, но более коренастый, поигрывал дубинкой, утыканной ржавыми гвоздями, которая не сулила ничего хорошего, а третий, самый молодой, с бегаящими, испуганными глазами, нервно перебрасывал из ладони в ладонь длинный, обоюдоострый нож, лезвие которого тускло блестело в полумраке.

— Эй, путник, — прошипел тот, что был с тесаком, и его голос, хриплый и прокуренный, прозвучал в тишине проулка, как змеиное шипение. — В Торнхейме за проход платят. Таков городской сбор.

Кайран остановился, и его лицо осталось абсолютно бесстрастным, словно высеченным из того же льда, что и его клинок. Подобные встречи были неотъемлемой частью его ремесла, они были так же неизбежны, как снег зимой, и он давно перестал воспринимать их как угрозу, относясь к ним, как к мелкой, досадной помехе, как к трем назойливым мухам, жужжащим перед лицом, которых можно просто отогнать, а можно и раздавить, в зависимости от настроения.

— Мне не нужны неприятности, — сказал он ровным, спокойным голосом, в котором не было ни страха, ни гнева. — Идите своей дорогой, и я пойду своей.

— Ах, какие мы гордые! — засмеялся второй, тот, что с дубинкой, и его смех, резкий и неприятный, эхом отозвался от каменных стен. — Ты, видно, не понял, что тебе сказали. Это не просьба, это требование. Гони монету, или мы вытрясем ее из тебя вместе с кишками.

Они начали медленно окружать его, рассыпаясь полукругом, как волки, загоняющие раненого оленя, перекрывая все пути к отступлению, и их лица, искаженные жадностью и предвкушением легкой наживы, были освещены лишь тусклым отблеском луны, пробившимся сквозь облака. Кайран не сдвинулся с места, он стоял, как скала посреди бушующего моря, и его поза выражала не покорность судьбе, а ту самую ледяную, опасную неподвижность, которая предшествует смертоносному удару. Он ощущал холод, исходивший от рукояти меча за спиной, этот особый, пронизывающий до костей холод, который не имел ничего общего с зимним ветром, завывающим в переулке, потому что это был холод самой вечности, холод той бездонной пустоты, которая существовала до сотворения мира и которая требует своего заполнения, требует жертв, требует крови.

Его клинок, «Шепот Бездны», как назвал его старый гном, не был простым оружием, созданным руками человека или гнома, он был артефактом, порождением древней, забытой магии, выкованным из самого сердца ледника, настолько древнего, что он помнил времена, когда мир был молод и пуст, когда по земле ходили существа, о которых теперь слагают лишь страшные легенды. Говорили, что тот, кто осмелится владеть этим мечом, обречен на вечное одиночество и на вечную войну, ибо меч, выпивающий тепло и жизнь не только из своих жертв, но и из своего хозяина, постепенно превращает его в такого же пустого, холодного и голодного монстра, каким является сам. Кайран знал это, знал, какую цену он заплатил и какую цену ему еще предстоит заплатить, когда вытаскивал этот клинок из ледяной пещеры, где он нашел его после той ужасной резни, что уничтожила весь его отряд, оставив в живых лишь его одного, но он не колебался ни секунды, потому что в тот день он заключил свой собственный договор с судьбой, договор, который не мог быть расторгнут.

— Ну так что, будешь платить или как? — главарь, осмелев от молчания Кайрана, сделал шаг вперед, занося свой ржавый тесак для удара, и в его глазах, налитых кровью, уже горел огонек предвкушения скорой расправы.

Вместо ответа Кайран сделал едва уловимое, почти незаметное для глаза движение, и его плащ, тяжелый и мокрый, распахнулся, словно крыло хищной птицы, и в тусклом свете луны, пробившемся сквозь рваные облака, блеснула сталь, но не тем желтоватым, тусклым блеском обычного, кованого человеком железа, а холодным, потусторонним, голубовато-белым сиянием, которое, казалось, исходило из самой глубины клинка, словно сам лед обнажил свой смертоносный оскал. Меч, казалось, не был вынут из ножен обычным способом, он материализовался в руке Кайрана, возникнув из ниоткуда, и его появление сопровождалось едва слыш-

ным, звенящим звуком, похожим на хруст ломающегося под ногами льда, а от лезвия, сияющего в темноте, поднимался легкий, морозный пар, который тут же растворялся в ночном воздухе.

Нападавшие замерли на месте, как громом пораженные, и их лица, еще мгновение назад искаженные злобой и жадностью, теперь выражали лишь животный, неопиcуемый ужас. Они ожидали встретить безоружного путника, или, в крайнем случае, обычного наемника с мечом, каких много бродяжничает по дорогам Севера, но это... Это было нечто совершенно иное, нечто, что не укладывалось в их примитивное понимание мира. Даже в их затуманенных алкоголем и жаждой легкой наживы головах что-то тревожно заскрипело, заворочалось, и древний, как сам мир, инстинкт самосохранения, дремлющий в каждом живом существе, вдруг завопил о смертельной опасности, о том, что им не следовало связываться с этим человеком.

— Умоляюще прошу, — прошептал Кайран, и его голос, тихий и ровный, усиленный внезапно наступившей тишиной, прозвучал в этом темном проулке не менее зловеще, чем вид его ледяного оружия. — Не заставляйте меня кормить его раньше времени.

Но было уже поздно. Главарь, ослепленный жадностью, уверенный в своем численном превосходстве и, возможно, просто слишком глупый, чтобы вовремя осознать свою ошибку, с диким, звериным ревом бросился вперед, взмахнув своим тесаком, целясь Кайрану в голову, и этот его отчаянный, смертоносный рывок был продиктован не храбростью, а тупым, животным отчаянием. Кайран даже не сдвинулся с места, он лишь слегка, почти незаметно, повернул корпус, пропуская грубый, размашистый удар противника мимо себя, и его меч, не издав ни единого звука, прочертил в воздухе короткую, точную, смертоносную линию, которая была почти невидима глазу.

Ржавый тесак с глухим стуком упал на обледелую землю вместе с рукой, все еще сжимавшей его рукоять, и этот звук, глухой и окончательный, прозвучал в тишине проулка, как приговор. Главарь взвыл от боли и ужаса, отшатнувшись назад, прижимая к груди обрубок руки, но крови не было, ни единой капли, потому что место среза было мгновенно заморожено, покрыто толстой коркой льда, словно его окунули в жидкий азот. Двое других застыли в ужасе, не в силах пошевелиться, не в силах поверить в то, что они только что увидели, и их лица, бледные, как снег, выражали ту крайнюю степень страха, которая парализует волю и превращает людей в беспомощных истуканов. Меч в руке Кайрана тихо зазвенел, издав тонкий, пронзительный звук, похожий на далекий хруст ломающегося льда, и этот звук, казалось, проник в самые глубины их душ, обдав их ледяным холодом. Меч был доволен, он попробовал душу, но не насытился, его голод лишь разгорелся от этой первой жертвы.

Кайран сделал шаг к упавшему главарю, который корчился на земле, скуля от невыносимой боли, и его стоны были полны такой муки, что могли бы разжалобить даже камень. Он не смотрел на него, его равнодушный взгляд был устремлен на двух оставшихся, на этих застывших от ужаса свидетелей его темной силы.

— Бегите, — сказал он им ровным, бесстрастным голосом, — и расскажите всем, что вы видели. Пусть в Торнхейме знают: плата за проход — это не деньги.

Их как ветром сдуло, они бросились прочь из проулка с такой скоростью, на какую только были способны их подкашивающиеся от страха ноги, и вскоре их шаги затихли в лабиринте улиц. Кайран подошел к главарю, который уже не кричал, а лишь тихо, жалобно скулил, глядя

на него снизу вверх полными слез и невыносимой боли глазами, в которых не было ничего, кроме животного ужаса перед неотвратимостью приближающейся смерти.

— Пожалуйста... — прошептал он разбитыми губами.

— Ты хотел плату, — ответил Кайран, и в его голосе не было ни злости, ни удовлетворения, ни жалости, только холодная констатация факта. — Вот она.

Удар был мгновенным и точным, ледяное лезвие пронзило сердце бандита, и его тело в одно мгновение, прямо на глазах, обратилось в ледяную статую, чтобы в следующую же секунду, с тихим, стеклянным звоном, рассыпаться на тысячу сверкающих, мельчайших ледяных осколков, которые тут же были подхвачены налетевшим порывом ветра и унесены в темноту, заматавая последние следы. Кайран вложил меч в ножны, и клинок, этот невесомый, но невыносимо тяжелый груз, снова лег на его плечи, напоминая о своем присутствии. «Он голоден», — вспомнил он слова старого гнома, и да, он действительно был всегда голоден, этот проклятый клинок, и его голод мог быть утолен только кровью и смертью.

Он покинул город через северные ворота, где сонная, продрогшая до костей стража, закутанная в рваные тулупы, даже не удосужилась посмотреть в его сторону, предпочитая жаться к огню жаровни, нежели выходить на пронизывающий ветер. Дорога вела через заснеженный, безмолвный лес, где деревья, одетые в тяжелые белые шубы, стояли вдоль дороги, словно безмолвные, застывшие стражи, и их заснеженные ветви, склоняясь под тяжестью снега, образовывали над дорогой причудливую арку. Скрип снега под его сапогами был единственным звуком, нарушавшим величественную тишину ночного леса, и этот мерный, ритмичный звук успокаивал, позволял сосредоточиться на предстоящей задаче. Где-то вдалеке, в глубине леса, ухнула сова, ее крик, резкий и одинокий, прозвучал в тишине как предостережение, а может быть, это был и не сова вовсе, а кто-то пострашнее, потому что этот лес был старым и диким, он хранил свои собственные, темные тайны.

Через час быстрого, размеренного шага он увидел впереди, на фоне светлеющего от луны неба, очертания поместья. Оно стояло на небольшой возвышенности, окруженное высоким частоколом из заостренных бревен, которые были вкопаны в землю с наклоном наружу, и в окнах двухэтажного дома, построенного из темного камня, горел свет. Барон не спал, что было Кайрану на руку, потому что застать свою жертву врасплох было бы слишком просто, а он, сам того не признавая, ценил в своей работе определенную долю риска. Может быть, этот человек, обремененный своей черной совестью, чувствовал приближение своей неминуемой смерти, а может, он просто пировал, празднуя очередную свою победу над беззащитными гномами, но для Кайрана это не имело ровным счетом никакого значения, потому что исход этой ночи был уже предрешен.

Он не стал таиться и ждать глубокой ночи, не стал изобретать хитроумных планов проникновения, потому что время, потраченное на излишние раздумья и колебания, — это время, потраченное впустую, а лишнее ожидание лишь притупляет чувства и снижает шансы на успех. Он подошел к массивным, окованным железом воротам, за которыми мерцал тусклый свет факелов, и два стражника с алебардами, закутанные в плащи, лениво курили трубки, переговариваясь о чем-то, и их фигуры, освещенные пламенем факелов, отбрасывали длинные, уродливые тени на заснеженную землю. Увидев одинокого путника, вышедшего из леса, один из них насторожился и снял алебарду с плеча.

— Кто идет? — крикнул он, и его голос, грубый и хриплый, прозвучал в ночной тишине как окрик часового.

— Послание для барона Ольсена, — ответил Кайран, не останавливаясь и не сбавляя шага.

— От кого? — спросил второй, прищурившись и вглядываясь в темноту.

— От Старейшины с гор, — сказал Кайран, и эти слова произвели на стражников эффект разорвавшейся бомбы.

Стражники испуганно переглянулись, потому что визит гномов в это поместье, да еще в такой поздний час, был последним, чего они могли ожидать, и сама мысль о том, что им, возможно, придется иметь дело с разъяренными жителями гор, приводила их в трепет, ибо они знали, что гномы не прощают обид и не забывают зла. Пока они соображали, что им делать, как реагировать на это неожиданное появление, Кайран молниеносно сократил дистанцию, преодолев разделявшее их расстояние в несколько быстрых, бесшумных шагов, и его меч снова покинул ножны, описав в воздухе широкую, сверкающую дугу, которая застала обоих стражников врасплох. Они умерли мгновенно, даже не успев вскрикнуть, не успев оказать никакого сопротивления, и их тела, обращенные в ледяные изваяния, с глухим, ледяным звоном осели на заснеженную землю, рассыпавшись на осколки.

Ворота были заперты изнутри на тяжелый засов, но калитка рядом, предназначенная для прислуги, оказалась не заперта, и он беспрепятственно вошел во двор. Его не волновала скрытность, он не пытался таиться в тених, потому что знал, что скоро поднимется тревога, что его обнаружат, но ему было всё равно, потому что страх, животный, парализующий страх, — это тоже оружие, возможно, даже более сильное, чем сталь. Пусть они видят его, пусть они бегут в панике, пусть они расскажут всем о том, что произошло в эту ночь, о том, как смерть пришла за их хозяином, ибо страх, посеянный в их сердцах, будет распространяться быстрее любого пожара.

Во дворе было пусто и тихо, только собаки, огромные, лохматые псы, почуявшие холод, исходивший от его ледяного клинка, жалобно заскулили в своей будке и тут же смолкли, забившись в самый дальний угол, спрятав носы в солому, потому что их животный инстинкт был сильнее страха перед хозяином. Он толкнул тяжелую дубовую дверь главного дома, и она, к его удивлению, оказалась не заперта, что было еще одним свидетельством самонадеянности и беспечности барона. Внутри было тепло, даже жарко, и пахло дорогими пряностями, воском и ароматическими маслами, что было резким контрастом с убожеством и нищетой, царившими за стенами этого дома. Дорогие гобелены с искусно вытканными сценами охоты и битв висели на стенах, призванные демонстрировать богатство и власть хозяина, а в большом зале, куда он вошел, в камине потрескивал огонь, отбрасывая на стены длинные, танцующие тени, которые, казалось, жили своей собственной, тайной жизнью. Его шаги были абсолютно беззвучны на толстом, пушистом ковре, устилавшем пол, и он прошел через прихожую в большой зал, не издав ни единого звука.

Барон Ольсен сидел за массивным столом в полном одиночестве, и его грузная фигура, облаченная в богатый, расшитый золотом халат, казалась еще более массивной и отталкивающей в свете камина. Перед ним стоял хрустальный графин с вином и наполовину опустевший кубок, а его лицо, одутловатое, с багровыми прожилками на щеках и носу, обрамленное жид-

кими седыми волосами, выражало тупое самодовольство и скуку. На шее у него висела массивная золотая цепь, символ его власти и богатства, которая поблескивала в свете огня. Он не услышал, как вошел Кайран, он был занят разглядыванием какого-то документа, разложенного перед ним на столе.

— Ты слишком много пьешь для человека, который скоро предстанет перед судом, — произнес Кайран, и его голос, холодный и ровный, разорвал уютную тишину зала, как удар хлыста.

Барон вздрогнул, его голова резко дернулась вверх, и он увидел фигуру в темном плаще, стоящую в дверном проеме зала, и это зрелище, это неожиданное появление чужого человека в его собственном доме, в столь поздний час, повергло его в состояние шока. Его рука инстинктивно потянулась к кинжалу, лежащему на столе рядом с кубком, но пальцы его дрожали так сильно, что он не смог его ухватить.

— Кто ты? Как ты посмел?! Стража! — закричал он, но его голос, сорвавшийся на фальцет, прозвучал жалко и тонко, и в нем не было той уверенности и властности, которые приличествовали бы человеку его положения.

— Твоя стража уже не придет, — ответил Кайран, входя в круг света, отбрасываемого камином, и его лицо, освещенное пламенем, показалось барону лицом самой смерти. — Я пришел за тобой, Ольсен. Твои деяния нашли тебя, как бы ты ни пытался от них скрыться.

Барон вскочил со своего кресла, опрокинув кубок с вином, и красная, густая жидкость растеклась по столу, словно кровь, словно предвестник той крови, которая сейчас должна была пролиться. Он попытался принять угрожающий вид, выпрямиться во весь рост, но его трясущиеся руки, его бегающие, испуганные глаза и его бледное, искаженное страхом лицо выдавали его панику с головой.

— Ты наемник? Тебя подослали? Я заплачу! Я заплачу вдвое! Втрое! Против той цены, что тебе дали! Назови любую сумму, и я ее уплачу! — затараторил он, и в его голосе зазвучали истерические, жалобные нотки.

— Дело не в деньгах, — Кайран медленно, неумолимо двинулся вперед, и каждый его шаг по мягкому ковру приближал барона к неизбежному концу. — Дело в Договоре. Ты нарушил его, замучив сына старейшины гномов. Ты осквернил всё, на чем держится этот мир.

— Гномы?! Ты пришел из-за этих грязных горных крыс?! — взвизгнул барон, и в его голосе, полном отвращения и презрения, зазвучала истерика. — Они не люди! Они — животные! Грязные, вонючие твари, которые роются в земле! Их место в шахтах, а не за столом переговоров! Они получили то, что заслужили, и я не жалею ни о чем!

— Ты исповедуешься передо мной, — сказал Кайран, останавливаясь в двух шагах от него и кладя руку на рукоять меча, — но это ничего не изменит. Твоя жизнь уже была оплачена, Ольсен. Осталось только внести последний взнос.

Барон, видя, что подкуп не сработал, что его слова не возымели никакого действия, в приступе отчаяния выхватил кинжал и бросился на Кайрана, надеясь, что ему удастся застать его врасплох. Это была атака обреченного, последний, безнадежный жест человека, цепляю-

щегося за свою ускользающую жизнь. Кайран легко, почти лениво уклонился от этого неуклюжего выпада, и его меч, рассекая воздух, снова издал свой леденящий душу, тонкий звон. Удар был нанесен плашмя, но сила, вложенная в него, была такова, что отбросила грузного барона через весь зал, и он рухнул на пол, ударившись спиной о стену, и замер там, хрипя и кашляя.

Кайран подошел к нему и присел на корточки, глядя в его налитые кровью, полные животного ужаса глаза. Барон держался за бок, где, должно быть, уже треснули ребра, и его дыхание было прерывистым и сиплым.

— Твои люди, те, кто пытал мальчика, — спросил Кайран, — где они?

— В городе... они на службе у капитана порта... — прохрипел Ольсен, с трудом выговаривая слова.

— Это хорошо. Их найдут.

Кайран поднялся на ноги, и его фигура, возвышающаяся над распростертым на полу бароном, показалась тому исполинской, неумолимой статуей божества мести. Время пришло, время, которое нельзя было больше оттягивать. Он поднял меч, и синее, потустороннее пламя ледяного клинка отразилось в расширенных от ужаса зрачках барона Ольсена.

— Подожди! — прохрипел тот, поднимая трясущуюся руку в жесте, полном отчаяния и мольбы. — Умоляю! Я могу рассказать тебе кое-что! Кое-что очень важное! Это спасет жизни! Ты не понимаешь! Обменяй мою жалкую жизнь на эту тайну!

— Мне не нужны твои тайны, — ответил Кайран, и в его голосе не было и тени сомнения.

— Это касается короля! — выкрикнул барон, и эти слова, эти четыре слова, упали в тишину зала, словно тяжелые камни в глубокий, бездонный колодец.

Рука Кайрана, уже готовая нанести смертельный удар, замерла в воздухе. Король. Это слово всегда меняло расклад сил, оно несло в себе угрозу гораздо более серьезную, чем любые гномьи разборки или баронские зверства. Оно означало большую политику, интриги, войны, в которых жизни простых людей ничего не стоят. Он колебался лишь одно мгновение, но этого мгновения было достаточно, чтобы барон увидел в его глазах искру интереса. Информация — это власть, это единственное, что могло обеспечить ему выживание в этом жестоком мире, а власть ему была нужна, как воздух.

— Говори, — коротко бросил он, не опуская меча.

— Наверху... в моем кабинете... в потайном ящике стола... — залепетал барон, ободренный этой паузой. — Там амулет. С гербом королевского дома. Я нашел его... случайно, клянусь! На теле одного из этих... из Старшей Крови. Это доказательство! Доказательство того, что корона ведет двойную игру! Что она готовит что-то против всех нас, против людей, гномов и эльфов!

Кайран посмотрел на лестницу, ведущую наверх, затем перевел взгляд на барона, который смотрел на него с отчаянной, жалкой надеждой, и на его губах выступила пена. Он верил, что купил себе жизнь, что его жалкая попытка спастись увенчалась успехом.

Кайран опустил меч, и барон облегченно выдохнул, его тело обмякло, и он начал судорожно креститься, бормоча молитвы. Кайран повернулся и, не говоря ни слова, направился к лестнице, оставив барона на полу.

Он поднялся на второй этаж и быстро нашел кабинет барона. Комната была обставлена с претензией на роскошь, но безвкусно, кричаще, словно ее хозяин пытался компенсировать недостаток вкуса количеством дорогих вещей. Массивный стол из мореного дуба стоял у окна, за которым расстилалась заснеженная равнина. Кайран подошел к столу и провел рукой под столешницей, пока не нащупал небольшой выступ. Нажал. Сбоку, с тихим щелчком, выдвинулась узкая потайная панель.

Внутри лежал небольшой кожаный футляр. Он открыл его. На бархатной подкладке лежал амулет, и это была поистине искусная работа: серебряный дракон, обвивающий черный камень с алыми прожилками. Но главное было не в мастерстве исполнения. В центре, на груди дракона, был выгравирован герб королевского дома Аурелиусов — корона, пронзенная тремя мечами. Кайран взял амулет в руку, и камень был холоден на ощупь, но этот холод был иным, чем холод его меча, это был холод интриги, холод предательства, холод большой политики, которая пожирала жизни людей проще и безжалостнее, чем его клинок. Этой вещи здесь быть не должно, это было очевидно. Амулет королевского дома в тайнике какого-то северного барона, враждующего с гномами и, возможно, с эльфами? Это звено цепи, о существовании которой он не знал, и это знание могло быть опасным.

Он спрятал амулет во внутренний карман, решив, что теперь это его собственность, его часть платы, его тайна, которая может стоить дороже всего золота гномов.

Он спустился вниз. Барон все так же сидел на полу, прижимая руку к боку, и его лицо, когда он увидел Кайрана, осветилось надеждой. Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла жалкой и вымученной.

— Ты нашел? Ты ведь нашел? Это правда! Ты видишь, я был честен! А теперь уходи! Я ничего никому не скажу, клянусь! Ты можешь идти!

Кайран подошел к нему и остановился, глядя на него сверху вниз. Он не чувствовал ни злости, ни удовлетворения, ни жалости, только ту самую бездонную пустоту, которая была его вечной спутницей. Он установил для себя правило: никогда не убивать без необходимости, но и не оставлять свидетелей, и эти два правила часто противоречат друг другу, и в такие моменты решение принимает не он, а клинок, который всегда голоден.

— Ты дал мне клятву молчания, — сказал Кайран, и его голос был холоден и бесстрастен, как ледяной ветер за окном. — Но твой язык — твой враг. Единственная надежная плата за молчание — это смерть.

Он взмахнул мечом, и в последнее мгновение взгляд барона наполнился полным пониманием того, что произошло, пониманием того, что его предали, что его тайна не купила ему жизнь, а лишь отсрочила смерть на несколько минут. Он открыл рот, чтобы закричать, но крик замер у него на губах, обратившись в беззвучный хрип, когда ледяное лезвие опустилось, и тело барона Ольсена, мгновенно обращенное в ледяную глыбу, разлетелось на куски, которые зазвенели, ударяясь о каменный пол, словно осколки разбитого зеркала. Кайран стоял посреди

зала, и пар от его дыхания смешивался с ледяной пылью, витающей в воздухе, а меч в его руке успокоился, его голод был на время утолен.

Он покинул поместье тем же путем, каким и пришел, и тишина снова окутала лес, но теперь она была тяжелой, наполненной смыслом и предзнаменованиями. В кармане его плаща лежал амулет с гербом королевского дома, а на душе — груз нового, невыполненного контракта, контракта, о котором он пока не знал. Где-то далеко, в столице, король Аурелиус, не ведая того, приобрел нового врага, или, возможно, пешку. Это должна была решить сама судьба. А судьба, как и его меч, была слепа, холодна и голодна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.